Л.Н. Хаховская*

ОСОБЕННОСТИ ТОРГОВЛИ НА ЧУКОТКЕ В ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ: ОПОРА НА КУЛАКА, САМОСНАБЖЕНИЕ И ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ «ПОТЛАЧ»

Автор исследует социальный, политический и ментальный контекст некоторых эпизодов торговли на Чукотке в первые советские десятилетия. При взаимодействии с аборигенами торговые работники опирались на опыт прежней, досоветской работы, оказывали предпочтение кулакам, а не беднякам, воспроизводили традиционные связи и иерархии. В среде торговых работников выявились приоритетные интересы самоснабжения дефицитными товарами «европейского» ассортимента. Помимо собственного потребления, некоторые торговцы устраивали своеобразный потlach для избранных лиц, щедро угощая и снабжая их за счет государства.

Ключевые слова: Чукотка, торговля, фактория, аборигенное население, кулаки, бедняки, дефицит, самоснабжение, потlach

The trade in Chukotka in the first Soviet decades: reliance on the kulaks, self-supply and selective «potlatch». LYUDMILA N. KHAKHOVSKAYA (N.A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The author explores the social, political and mental context of several episodes in the trade in Chukotka in the first Soviet decades. In the interaction with the indigenous population, tradespersons relied on the experience of pre-Soviet times, prioritizing the kulaks and reproducing traditional ties and hierarchies. Self-supply of scarce “European” goods emerged as the priority of the tradespersons. In addition to their own consumption of the goods, some of them arranged a kind of potlatch for selected persons, generously treating them at the expense of the state.

Keywords: Chukotka, trade, trading post, indigenous population, kulaks, paupers, deficit, self-supply, potlatch

Для современной антропологической мысли характерно внимание к переходным, транзитным состояниям общества, во время которых происходит изменение жизненного уклада, социальных институтов, коллективных представлений. Изучение такого рода процессуальности позволяет проследить действия и мотивации общественных групп и отдельных личностей,

их переплетение и взаимовлияние. Данная эпистемологическая установка смыкается с микроисторической методологией и концепцией антропологически ориентированной истории [1; 3]. В центре внимания таких исследований находятся повседневные практики и ситуации, через которые раскрываются события и сдвиги более широкого масштаба. Микроисторическая

* ХАХОВСКАЯ Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: hahovskaya@gmail.com

© Хаховская Л.Н., 2017

и историко-антропологическая индивидуализирующая перспектива позиционирована как своего рода переход между повседневной реальностью и высокой теорией, поскольку именно в этой области происходит формирование понятий на основе метафор [4; 5]. Создание конкретных и ярких образов сообщает историописанию достоверность, подготавливая почву для преобразования эмпирических фактов в язык теории.

Выявленные нами в Государственном архиве Магаданской области документы открывают доступ к неизвестным страницам становления советских структур и институтов через раскрытие конституирующего их характера деятельности реальных лиц. Статья посвящена исследованию социального, политического и ментального контекста некоторых эпизодов торговли на Чукотке в первые советские десятилетия, ставшие переломным моментом истории для аборигенного населения. В досоветское время наиболее интенсивное взаимодействие аборигенного и пришлого населения на Чукотке шло именно в сфере торгового обмена. Преобразующее воздействие торговли с европейцами, которые на Чукотке были представлены в основном американскими и русскими купцами и промышленниками, простиралось на все стороны жизни аборигенного сообщества [2]. Менялся его культурный облик, шло выстраивание новых социальных связей и иерархий, трансформировались способы охоты и домашнего труда. Торгово-обменные операции исподволь формировали обновленное лицо аборигенного сообщества.

Одновременно складывалась прослойка европейцев, постоянно участвующих в торговле с «иногородцами». Американские и русские купцы, промышленники и даже простые обыватели вели дела на свой страх и риск, стремясь добиться материального и нематериального успеха. Их торговая деятельность протекала в рамках отношений, регулируемых самой обменной ситуацией, которая для европейцев была осложнена спецификой традиционного уклада и менталитета северных аборигенов [6]. Участники торгового обмена с обеих сторон находились под давлением норм, складывавшихся стихийно, но с течением времени обретавших характер стереотипного поведения, обязательного для всех участников сделки.

После смены государственного строя и утверждения советской власти сложились условия, вызвавшие трансформацию прежнего

типа европейского торговца. Прежде всего, торговля становилась не частным, а государственным, даже политическим делом, поэтому из нее очень быстро были вытеснены и частники, и иностранные подданные. Торговыми работниками на местах становились лица, официально находившиеся на службе легитимных (государственных и акционерных) торговых фирм. Социальное положение их оказалось амбивалентным: с одной стороны, это были наемные работники, подчинявшиеся ведомственной и общегражданской дисциплине; с другой стороны, перед ними раскрылись весьма широкие возможности проявлять свои индивидуальные стремления и склонности. Дело заключалось в том, что сотрудники торговых организаций получили в свои руки огромные по тем масштабам материальные ресурсы, контроль за которыми был малоэффективным вследствие сложного транспортного сообщения и слабых институциональных связей. В ситуации почти полного снятия ограничительных рамок люди руководствовались собственными представлениями о том, как следует вести торговлю и каким должен быть имущественный и общественный статус торговца. Во взаимодействии с аборигенами они зачастую опирались на опыт прежней, досоветской работы, а в отношении неаборигенного сообщества выстраивали избирательные социальные связи и демонстрировали высокий уровень достатка. В некоторых местностях Чукотки торговые организации превращались в настоящую вотчину их начальников, которые не стеснялись шиковать за государственный счет.

Специфика торговли тех лет на Чукотке состояла в том, что она охватывала в основном контингент людей с достаточно специфическими потребностями, обусловленными преобладанием традиционного природопользования, архаичного жизненного уклада и сформированных прежде привычек. Аборигены нуждались в товарах так называемого туземного ассортимента, в который входили продукты, предметы обихода и орудия труда, а именно: мука, табак, кирпичный чай, спички; ткань; котлы и чайники большой емкости, чайные блюдца и чашки; ружья и боеприпасы, капканы, прядево для сетей, древесина для полозьев нарт и кухонной утвари. Однако завезти нужные коренному населению товары в необходимом количестве и составе на Чукотку длительное время не удавалось, хронический недовоз товаров являлся настоящим бичом торговли первых советских лет. Положение усугублялось сезонностью снабже-

ния: товары доставлялись только морем, а срок навигации был ограничен.

Советская власть рассматривала торговлю как очень важный канал воздействия на аборигенное общество. Во-первых, из торговой цепочки следовало исключить местных торговцев и так называемых кулаков, которые перепродавали товары тем, кого новая власть признавала бедняками и батраками. Целям социальной инженерии должен был служить и возникший товарный дефицит: право преимущественной покупки таких товаров предоставлялось малоимущим слоям населения, а зажиточные аборигены в этом отношении подвергались дискриминации. Во-вторых, торговля должна была сочетаться с простейшим кооперированием местного населения – предполагалось, что это подведет аборигенов к осознанию необходимости коллективного действия в сфере не только потребления, но и производства. В-третьих, обилие товаров и эквивалентные цены должны были склонить аборигенов на сторону советской власти. Подразумевалось, что советская торговля порывает с прежней порочной практикой «обирания туземцев». Соответственно, советский торговый работник – это лицо совершенно иного социального облика и поведения, нежели хищник-предприниматель капиталистического мира. Таким образом, торгово-экономические взаимодействия призваны были модернизировать архаичную социальную структуру, свойственную аборигенному сообществу.

Однако в силу того, что советская экономическая система еще не была отстроена, а у местного населения сохранялся привычный жизненный уклад, торговый процесс часто воспроизводил прежнюю схему действий через местных посредников. При этом торговые работники руководствовались не столько предписаниями советской администрации, сколько стремлением наиболее простым путем выполнить свою коммерческую задачу, а также соблюсти собственную выгоду. Поэтому они предпочитали иметь дело с несколькими зажиточными перекупщиками, нежели со множеством мелких покупателей. Так они торговали в стационарных селениях и в тундре, среди оленеводов. Разнонаправленные установки советских инстанций и интересы самих торговцев порождали конфликты политического характера.

Так, в наиболее советизированном Чукотском районе Чукотки с 1928 г. действовала культурная база (культбаза) в с. Лаврентия, при которой имела торговая фактория Акци-

онерного Камчатского общества (АКО). Заведующий факторией Бочкарев в 1928-1929 гг. в окрестных селениях организовывал торговлю через посредников, что вызвало острую критику со стороны органов власти, которые не могли «опереться на него при проведении политической и культурной работы среди населения». Более того, отстаивая свое право занимать данную должность, Бочкарев обратился за поддержкой к дружески настроенной к нему «верхушке населения», тогда как партийные работники намеревались эту верхушку «при проведении классовой линии оттирать от работы» (Государственный архив Магаданской области, далее – ГАМО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 5. Л. 122). Данное противостояние завершилось поражением Бочкарева, но такие случаи время от времени возобновлялись.

Особенно устойчивой практика предпочтительного товарообмена с зажиточным населением оказалась в Чаунском районе, отдаленном и слабо советизированном регионе Чукотки. Основную массу аборигенов района, образованного в 1933 г., составляли кочевники (доля в общей численности населения свыше 70%), среди которых сохранялись имущественное и социальное неравенство. Главными торгующими организациями в районе были фактории треста «Дальсоюзпушнина» (ДСП) с управляющей конторой во Владивостоке.

Сотрудники этих факторий при контактах с аборигенами стремились задействовать уже существовавшие в тундре и на берегу налаженные схемы обмена: их контрагентами становились зажиточные оленеводы и охотники, которые не столько охотились сами, сколько скупали пушнину у окружающего населения. Перекупщики предлагали большие партии пушнины, поэтому, в отличие от бедняков с одной-двумя малоценными шкурами, находили теплый прием в факториях. Такая социальная асимметрия порождала протесты со стороны ущемленных групп, которые они высказывали представителям советской власти, распространявшей среди аборигенов совсем другие социальные ориентиры. Так, рядовые жители села Рыркайпий летом 1934 г. на собрании, организованном партийными руководителями района, жаловались на действия заведующего сельской факторией Венедиктова: «Венедиктов с первого дня своего приезда делал только плохо для нас. По 2-3 дня не отпускал. Приедут чукчи и ожидают его, пока он смиростивится, отпустит [товары], кулакам дает хорошие товары, а бедноте не дает,

а кулаки наберут у него товару и торгуют в тундре, соберут песцов и снова торгуют» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 93).

Как оказалось, для отсеивания нежелательных покупателей заведующий манипулировал режимом работы фактории, устанавливал произвольный товарный эквивалент, отказывался принимать у аборигенов-активистов деньги, которые те получали за работу в советских организациях. Рыкайпийцы приводили конкретные примеры такой дискриминации:

«В конце августа 1933 года Эппэ [оставил] песка в фактории ДСП как залог под покупку полозьев для нарт. В первых числах сентября Эппэ приехал за полозьями. Венедиктов сказал, что сейчас торговли нет, а полозья отбери себе и оставь здесь. <...> На обратном пути Эппэ ... встретил едущих торговать кулака Ятхиргика с [его] работниками Пыэтто и Аччувья. По приезду в факторию им были отпущены в тот же день полозья, несмотря на то, что Эппэ было сказано, что торговли нет и не будет 10 дней. А когда приехал кулак, [Венедиктов] открыл магазин и в честь [кулака] пошла торговля»;

«В июле [1934 года] были отпущены кулаку Кумче [товары], а ... приехавшие в тот же день ... бедняки ... товары не получили <...>. Венедиктов сказал, что Кумча сдал много песцов зимой, и вообще, кто сдавал много песцов, тот и будет получать товар хороший всегда. А Таюрынтыну товаров не отпускаю, потому что зимой сдал только одного песца»; «денег не хочет принимать Венедиктов, деньги хоть выбрось»; «... также у кого имеется много песцов, отпускает чайники, а бедноте нет» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 92, 93, 94об).

Таким образом, в реальных событиях того времени существовал выраженный разрыв между советской линией модернизации, направленной на кардинальную социальную инженерию, и текущим торговым процессом, консервировавшим архаичный уклад. Еще более выпукло этот разрыв прослеживается в деятельности Соболева, заведовавшего наиболее крупной в районе Чаунской факторией ДСП, располагавшейся в районном центре, поселке Певек. Соболев работал на своем посту с середины 1920-х гг., когда советских структур в этой части Чукотки еще не существовало. Проверка его работы управляющей конторой производилась редко и большей частью формально, поэтому Соболев привык действовать по собственному усмотрению. Спустя почти десять лет выяснилось, что он отпущал «кому сколько вздумается, безразлично

каких товаропродуктов», отдавая предпочтение «кулакам, своим знакомым и друзьям» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 89).

Лояльное отношение Соболева к дискриминируемым советской властью крупным хозяевам проявлялось в максимально полном удовлетворении их потребностей, а также принятии от них наличности: «Кулаки систематически получают 100% отоваривание, кроме того, они покупали за деньги». К тому же Соболев стал практиковать те же схемы самообогащения, которые были в ходу у зажиточной части аборигенов: «[Кулаки] ... занимались скупкой пушнины у бедняцко-средняцкой части населения». Примерно так же поступал и Соболев, выступая как бы невидимым посредником между сдатчиками и факторией: «Соболев обманывал бедняков-нацменов, платил дешевле за сданную пушнину и мехсырье, чем оно стоит. Сам же сдавал это пушмехсырье по действительной его стоимости, разницу присваивал себе» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 85об).

Итогом такой деятельности начальника фактории стало не ослабление, а, напротив, усиление социальной иерархии в чукотском обществе: «... кулак имеет колоссальные излишки товаропродуктов, этим самым создавалась удесятеренная зависимость батрацко-бедняцко-средняцкой части населения от кулака. Соболев как завфакторией ежегодно закреплял политику кулаков и создавал для них самые наилучшие экономические условия... постановкой [своей] работы» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 88).

В 1935 г. Соболев был снят с работы, но и в дальнейшем за подобные действия подвергался критике сменивший его Нестеров. Во второй половине 1930-х гг. Чаунская фактория более активно, чем прежде, развернула развозную торговлю, но продолжала действовать привычным методом опоры на крупных хозяев: «Развозторг поставлен был очень плохо, развозимые основные товары и продукты не доходили до основного потребителя (бедняки, батраки), а зачастую попадали кулакам, шаманам. Сам ... Нестеров ездил с развозторгом в Усть-Чаунский нацсовет и остановился в стойбище кулака Эльвакургина и брата его шамана Енеле, в результате чего большинство проданных товаров находятся у кулаков, которые занимаются перепродажей беднякам»; «Прискорбные факты: развозторг доезжает до кулака, складывает товар, берет у него пушнину, и в результате этот кулак становится торгашем, спекулянтом, результат — помощь кулакам для закабаления

бедноты» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 18а. Л. 17, 18).

Заведующий Шелагской факторией этого же района Яковлев аналогичным образом был нацелен на взаимовыгодный торг с теми людьми, которых никак нельзя было отнести к малоимущим и которые не были объединены в артель, а охотились индивидуально. Им и доставались товары, необходимые для промысла: «Яковлев продал шаману Каравуге целого лахтака¹, а бедноте отказывал в подошвах <...>. Мотор² тоже попал в руки Каравуге... <...> русские охотники Малькова получили по заданию Яковлева две шкуры лахтака, лучшие продукты, были снабжены всем» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 18а. Л. 22). Такой социальный перекося наносил ущерб малоимущим хозяевам, ставил их в сложное положение, вплоть до драматических случаев: «... беднота-охотники остались без капканов в сезон охоты. Лучший охотник и его семья голодовали, ели дохлую собаку» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 18а. Л. 22).

Важным мотивом приобретения ходовых товаров со стороны зажиточных аборигенов была не только дальнейшая выгодная перепродажа, но и публичная демонстрация своего экономического и морального преимущества, прилюдное уничтожение менее удачливых сородичей: «...[на полученного лахтака] Каравуге купил после у Таврата, бедняка-колхозника, винчестер, обманул его на этом деле, он смеется над членам артели...»; «Каравуге ... спекулирует [лахтаком] и ведет разговоры с чукчами: «Вот, мол, вы состоите в товариществе, а вам ничего не дают, в то время как я получил лахтака»» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 18а. Л. 22, 37).

Во второй половине 1930-х гг. в факториях продолжалась практика ухода от бумажных денег, по сути дела, сотрудники практиковали не собственно торговлю, а утвердившийся в досоветский период натуральный обмен: «На Чауне в интегральной системе в фактории работает ... Дьяконов ... , [который] дискредитирует советскую торговлю. Он подрывает наш рубль, не выдавая товары на деньги, а требуя обязательно пушнину» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 14а. Л. 16об, 18).

Деятельность торговых работников, нацеленную лишь на коммерческий успех и не принимающую во внимание задачи советского реформирования аборигенного общества,

советская администрация квалифицировала как «старые торгашеские методы торговли», «торговлю «лавочки»», но в первое время часто была бессильна изменить ее. В институциональном и социальном плане торговля первых советских десятилетий на Чукотке в известной степени наследовала прежние, досоветские модели взаимодействия с аборигенным населением. Торговые работники оказывали предпочтение кулакам, а не беднякам, если говорить в терминах тех лет; воспроизводили прежние связи и иерархии. Отчасти и поэтому зажиточные аборигены все еще сохраняли свою экономическую и общественную власть, тогда как малоимущие слои были ущемлены.

Но с установлением советской власти торговые работники действовали не только в аборигенной среде. С каждым годом увеличивалась численность так называемого пришлого населения, которое становилось преобладающим в наиболее крупных населенных пунктах Чукотки. Шло формирование социального окружения, которое для торговцев являлось своим, близким по культуре и идентичности. Наличие этой среды обусловило ряд специфических явлений, связанных с показательным, престижным потреблением, демонстрацией торговыми работниками собственного преуспевания и созданием вокруг себя ауры социальной респектабельности и исключительности. С первых же советских лет в сфере торговли формируется устойчивая практика избирательного товароснабжения пришлого населения, при котором дефицитные товары попадали в руки небольшого круга людей, в первую очередь самих работников прилавка. В узкой прослойке торговых работников ярко обозначились приоритетные интересы самоснабжения, в некоторых случаях принявшие гротескные формы.

В начале 1930-х гг. фактория при Чукотской (Лаврентьевской) культбазе, о которой речь шла выше, была преобразована в кооператив. Возглавивший кооператив Червов сосредоточил свое внимание на товарах не «туземного», а «европейского» ассортимента: «На культбазе ... укоренилось такое явление, когда дефицитные для европейцев товары не продаются. Некоторые такие товары забирает все себе заведующий, а остальные дефицитные товары распределяются неофициальным порядком в узком кругу «приближенных» <...>: картофель сушеный, сахарный песок..., мед, конфеты экспортные и шоколадные, свежие утки, оленина и т.д. Все эти товары забрал себе ... Червов. Если кому и

¹ Имеется в виду шкура лахтака, из которой кроились подошвы для обуви.

² Речь идет о рульмоторе для вельбота.

давались эти товары, то только с квартиры, как из личных запасов <...>. Неоднократно от Червова приходилось слышать фразу: «такого-то товара мало, чтобы всем делить, поэтому я все взял себе»»; «Полученные из Уэленского кооператива 15 покрывал распределены «домашним» порядком, кому 2, кому 3, <...> есть основания полагать, что Червов взял себе ... 8 штук [покрывал]» (ГАМО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 8. Л. 11).

В преимущественно «пришлых» по составу населенных пунктах, какими были в то время районные центры, формировалась новая, то есть неаборигенная избирательная торговая клиентура, в состав которой входили советские и партийные работники, руководители и специалисты других организаций, обосновавшихся на Чукотке. Их скрытые, неофициальные связи с торговым «патроном» были реальной силой, связывавшей всех в невидимую, но могущественную сеть, в которой важную роль играли и члены семьи торговцев: «Весьма крупную роль в распределении дефицитных товаров играет жена Червова. Что нельзя приобрести в кооперативе официально, то можно достать через жену Червова, больше это касается предметов домашнего обихода, в которых нуждаются домашние хозяйки (мануфактура, ленты, пуговицы и т.д.). Жена Червова пользуется правом бесконтрольного посещения складов кооператива, для чего в отсутствие Червова имеет ключи от складов» (ГАМО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 8. Л. 12).

Неограниченный доступ к ресурсам приводил к тому, что среди торговцев складывался особый стиль жизни, направленный на наиболее комфортное обустройство быта, укрепление социального престижа, повышенное и показное потребление. Своеобразный расцвет данное явление получило в поселке Певек во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. Связано оно с именем и деятельностью уже известного нам заведующего факторией Соболева, дом которого стал центром притяжения для «сливок» певекского общества. За счет сосредоточенных в его руках государственных ресурсов Соболев упрочивал свои социальные позиции, ставил в зависимость людей, занимавших ключевые посты в районе: «Лучшие товаропродукты брались в неограниченном количестве Соболевым для себя и раздавались знакомым и друзьям. Между работниками районного исполнительного комитета Чернышевым, Косицыным и завфакторией Соболевым существует круговая порука, друг друга покрывают, вместе прячут концы преступления. Например, Коси-

цын, Чернышев и жена Соболева в любое время берут ключи и идут в склад и берут там (по потребности и способности), без веса и никакого контроля. Спирт выпивают, а потом составляют акт, что спирт вытек, проржавел и прочее» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 89).

Уровень собственного потребления Соболева, безусловно, был необычайно высок для того времени. Он «занимался ... самоснабжением, сколько хотел, столько и брал товаропродуктов из склада фактории». Но его возможности не ограничивались складским ассортиментом, а простирались шире, охватывая цепочками обмена и аборигенное, и пришлое население: «Мясо тушами покупалось у кулаков, а кулакам за это платилось товаропродуктами с фактории»; «Как-то на зимующем пароходе в 1933 году Соболев купил лично себе двух поросят по 100 руб[лей] каждый. Отпустил с фактории за этих поросят товаропродуктов, а также и кормил их факторийным добром». В домашнем хозяйстве Соболева были не только свиньи, которых он «кормил ... рисом, картофелем сушеным, белой мукой и прочим», но и собачья упряжка, едва ли не лучшая на Чаунском побережье, содержание которой обходилось не слишком накладно. В то время как другие домохозяйства были вынуждены заготавливать для собак рыбу и мясо морских животных, семья Соболева не обременялась этим: «На кормление собако-нарт отпускались мясные консервы, рис и крупа без всяких норм, заготовок собачьего корма не делалось, в то время как для того имеется полная возможность» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 85).

Соболев, судя по всему, добивался не просто материального благополучия, а хотел окружить себя достаточно утонченной обстановкой, даже роскошью, по меркам Чукотки того времени: «Квартира Соболева изнутри оббита материалом за счет фактории, на оббивку и занавеси пошло 75 метров разного материала». По заказу Соболева была изготовлена мебель, за что он также расплатился даровыми товарами со склада. Далее, домашнее благополучие семьи Соболева обеспечивал работник, по сути, находившийся на положении прислуги. Это был ученик при фактории, 16-летний чукча Тумна-теген: «Соболев вместо того, чтобы учить ученика, он его эксплуатировал в личных интересах. Например, заготовка и рубка дров, уход за собаками, свиньями, носка воды не только для питья и пищи семье Соболева, но и для стирки белья, купания в ванне и т.д.» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 88).

Соболев создавал вокруг своей семьи атмосферу респектабельности, в ней не было места грубой реальности быта, которую мог привнести, например, помощник по дому: «Ученик был беспризорник, ходил по ярангам ночевать, несмотря на большой простор у Соболева в доме». Приют не получали не только аборигены, но и приезжие люди, если они не входили в избранный круг общения Соболева: «Работники ... просили уголок (4 человека) для того чтобы переночевать и работать, так как не было совершенно где жить, на что Соболев ответил: «Дом я строил не для вас, а поэтому впустить не могу»» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 83об).

Однако Соболев, как показано выше, не замыкался в узком домашнем мирке, он создавал себе общественный вес и репутацию человека богатого и щедрого, организуя некое подобие светской жизни для избранных лиц. Дом Соболева был открыт перед теми, кого он признавал верхушкой местного сообщества. К ним, помимо представителей власти, относились экипажи и пассажиры пароходов, переживавших зиму в Чаунской бухте: «В течение девяти с половиной месяцев (с 01.10.32 по 15.07.33) из [пассажиров] зимующих пароходов у Соболева гостило в среднем ежедневно 4-5 человек, кроме того, было устроено два бала с многочисленными блюдами и разными спиртными напитками, <...>, известно, что каждый бал обошелся в среднем в 1000 руб.». Помимо балов, для избранной публики «устраивались именины жены Соболева, на которые из фактории отпущены подарки, например, характерный подарок <...> – это 3-х пудовая бочка варенья» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 89).

Заведующий факторией предоставлял экипажу и пассажирам пароходов и другие предпочтения, например, продавал большие партии одежды и обуви. В итоге оказывалось, что эти вещи, предназначенные для реализации на Чукотке, наоборот, вывозились из региона. Показную расточительность Соболева на фоне общей скудости можно охарактеризовать как своеобразный избирательный потлач, устраиваемый в целях создания престижа среди определенного общественного слоя. Такое поведение, безусловно, выбивалось из общего ряда, поэтому его истоки следует искать в личных качествах Соболева. По собственному признанию, он был «сын попа и очень бедного попа» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 82об). Как выходец из бедной, но все же далеко не самой низкой социальной среды, он, по-видимому, был честолюбив

и стремился достичь не только материального успеха, но и весомого общественного признания. Проживая на Чукотке, среди сурового быта и крайне узкого круга неаборигенов, он мечтал о другом мире, который в виде крохотного фрагмента «большой земли» усматривал в паромном обществе.

Определенный снобизм и пренебрежительное отношение к рядовым русскоязычным певекчанам прослеживается в том, что Соболевы не отдавали свою дочь в местную школу, а обучали на дому, пригласив для этого пассажирку Михайлову: «Соболев содержал учительницу (пассажирку с зимующих пароходов знакомую), которая учила дочку Соболева на квартире, оплата производилась товаропродуктами» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 83об). Как видим, заведующий факторией и тут остался верен себе – путь к высоким материям лежал через позволенное самому себе нарушение установленных торговых норм.

В целом у всех этих действий имелась глубинная ментальная подоплека: Соболев не считал свое поведение нелегитимным, поскольку не был согласен ни с внутриведомственной дисциплиной и практикой, ни с предписаниями советской власти, касавшимися сферы торговли. На этот счет у него был свой идеал: «У Соболева [любимая] тема разговоров была торговля Свенсона. Соболев систематически в беседах говорил, при любом количестве людей расхваливал постановку дела Свенсона, что [тот] любую заявку выполнял полностью, только заяви, о шоколаде, мармеладе, фруктах, винчестерах и т.д. А теперь в этом отношении заявки не выполняются. Соболев говорил, что, бывало, наберу гвоздичного молока ящиков 12, да сгущенного ящиков 6, конфет, шоколаду, фруктов и т.д., и жил в полном довольствии, а теперь заявки не выполняются. А когда Соболеву говоришь, что ты проводишь массовую работу, организуешь охотничьи артели, и просили его жену в части организации и руководства женской артелью, они отвечали, что это не наше дело и нас не касается, а пусть этим делом РИК занимается» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 83-83об).

Сквозь лежащий на поверхности меркантилизм Соболева в части собственного снабжения любимыми лакомствами явно проскальзывает предпочтение американского, то есть коммерциализированного, рыночного способа организации торгового процесса советскому, вне рыночному и социально нагруженному: «... Он всячески расхваливал преимущества

американского торговца купца Свенсона над советской и практической постановкой дела, убеждая в этом бедняцко-средняцкую часть местного населения» (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 4. Л. 85об). Принцип американской торговой системы состоял в том, чтобы аборигены (прежде всего зажиточные) сами шли к купцу, а советская власть, напротив, требовала от торговых работников вести повседневную организационную работу с беднотой. Тщательно создаваемый респектабельный образ и светский лоск поэтому хорошо вписывались в прежний иерархический строй, но тускнели при советских социальных перестройках.

Соболевский избирательный «потlach» за государственный счет, расцветший в Певеке в первой половине 1930-х гг., в 1935 г. пресекли. Конечно, это был исключительный случай, вершина тех возможностей, которые можно было извлечь из ресурсной доступности и ведомственной бесконтрольности первых советских десятилетий. В дальнейшем такие ситуации стали невозможными. Вследствие советской модернизации социального уклада аборигенов в скором времени из жизни исчезло и деление на кулаков и бедняков, и сама организованная система частных перекупок. Однако товарный дефицит и недостаточное снабжение на Чукотке имели место еще много десятилетий, поэтому возникшая в первые годы практика самоснабжения торговых работников оставалась «родимым пятном» советской торговли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кромм М.М. Историческая антропология: Учебное пособие. СПб, М.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, Квадрига, 2010.
2. Лебединцев А.И. Проблемы товарного снабжения населения Колымы и Чукотки в конце XIX – начале XX в. // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2013. № 1. С. 112-121.
3. Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. 1996. Ремесло историка на исходе XX века. М., 1996. С. 110-127.
4. Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012.

5. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994.

6. Ярзуткина А.А. Торговые отношения американцев и русских с коренным населением Чукотки в конце XIX – первой четверти XX века: экономико-антропологический ракурс (к постановке проблемы) // Наука и современность-2011: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции: в 2-х частях. Новосибирск: Издательство НГТУ. 2011. С. 136-142.

REFERENCES

1. Kromm, M.M., 2010. Istoricheskaya antropologiya: Uchebnoe posobie [Historical anthropology: a tutorial]. Sankt-Peterburg, Moskva: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Kvadriga. (in Russ.)
2. Lebedintsev, A.I., 2013. Problemy tovarnogo snabzheniya naseleniya Koylmy i Chukotki v kontse XIX – nachale XX v. [Problems of commodity supply of the population of Koylma and Chukotka in the late XIX – early XX century], Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo tsentra DVO RAN, no. 1, pp. 112-121. (in Russ.)
3. Revel, J., 1996. Mikroistoricheskii analiz i konstruirovaniye sotsial'nogo [Microhistorical analysis and the construction of the social]. In: Odissei. Chelovek v istorii. 1996. Remeslo istorika na iskhode XX veka. Moskva, pp. 110-127. (in Russ.)
4. Urry, J., 2012. Mobil'nosti [Mobilities]. Moskva: Praksis. (in Russ.)
5. Foucault, M., 1994. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk [Words and things. Archeology of the humanities]. Sankt-Peterburg: A-cad. (in Russ.)
6. Yarzutkina, A.A., 2011. Torgovyie otnosheniya amerikantsev i russkikh s korennyim naseleniem Chukotki v kontse XIX – pervoi chetverti XX veka: ekonomiko-antropologicheskii rakurs (k postanovke problemy) [The trade relations of Americans and Russians with the indigenous population of Chukotka in the late XIXth – early XXth century: the economic and anthropological aspect of the issue]. In: Nauka i sovremennost'-2011: sbornik materialov IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2-kh chastiakh. Novosibirsk: Izdatel'stvo NGTU, pp. 136-142. (in Russ.)